



АЙГАР ВАСИЛЕВСКИЙ

Первая  
Женя



# Айгар Василевский

## Первая жена

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=20592303](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20592303)  
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

### Аннотация

Журналист Олег Снетков приезжает в Рим, чтобы расследовать убийство Али Витковской, экс-жены одного из российских сырьевых магнатов. Когда-то она была первой женой самого Снеткова, выходца из Латвии, переехавшего в Россию. Расследование оказывается у него связано с воспоминаниями, из которых сплетается образ самой Али и разных эпох в жизни России – от начала 90-х до конца «нулевых», свидетелем которых стал Олег. Основные события разворачиваются в 2009 году.

# Содержание

Глава первая. Письма из Италии	4
1. Кафе Аурелиана	4
2. Лучшая подруга покойной	15
3. Флорентийская ночь	34
Конец ознакомительного фрагмента.	52

# **Айгар Василевский**

## **Первая жена**

### **Глава первая. Письма из Италии**

#### **1. Кафе Аурелиана**

Майский полдень в Риме оказался более серьезным испытанием, чем он поначалу думал. Рим его, конечно, ждал. Из прохлады автобусного салона он шагнул на асфальт при вокзальной площади Чинквеченто, и оторопело мотнул головой. Площадь дышала жаром. В аэропорту он как-то не успел прочувствовать, там вроде бы был ветерок.

До отеля, спрятанного где-то в сплетении старых улиц в квартале от вокзала, он собирался добираться пешком, сверяясь с картой. Но тут – передумал. И, оглянувшись, побрёл на стоянку такси.

Всего через пять минут, миновав пару площадей и один угрюмый дворец, они вроде бы достигли нужного места: машина нырнула в каменный проулок между старыми домами, и таксист сказал:

– Via Flavia!

Выбравшись из машины, хмурый гость Рима сделал ещё

несколько шагов вдоль дома, шурясь и поддёргивая у плеча ремень сумки. Вопреки гордому названию, улочка оказалась довольно узкой. Фасад здания был обшарпан, на стене у входной двери тускло блестел длинный ряд табличек. Гость, склонив голову, изучил наименование контор, населяющих дом. Второй снизу оказалась табличка отеля «Luna Romana».

На лестнице пахло жареным луком – запах был жилым, но не гостиничным. Поднявшись на один лестничный марш, гость увидел надпись «Reception» и толкнул дверь, напоминавшую дверь на чёрный ход в старых рижских домах. В прохладной комнате с низким навесным потолком за стойкой сидели мужчина и женщина, обликом напоминавшие жителей Индии, а может, Пакистана. Женщине только не хватало между бровей красного пятнышка, знака варны. На стене под потолком урчал кондиционер. Гость назвал себя, сообщив, что его должен ждать забронированный номер.

Индус-портье моргнул в экран и тронул мышку. Женщина взглянула на гостя сонно. Гость тоже посмотрел холодно.

– Yes. Shet-kov O-leg, – произнёс портье по складам, – Moskov. Please your pass<sup>1</sup>.

За его спиной на стене помещалась крупная – портретного формата – фотография коалы на ветке. Зверь задумчиво смотрел прямо в объектив. Можно было подумать, что это аллегория, как-то связанная с хозяином отеля или с президентом республики.

---

<sup>1</sup> Пожалуйста, ваш паспорт (англ.)

Старомодный ключ от номера был тяжёл, громоздок и обрекал клиента на досадную тяжесть в кармане. Номер, оказавшийся на последнем седьмом этаже, встретил гостя скисшей духотой. Узкое оконце выходило в колодец-двор. Стены колодца источали зной. Вдоль карниза вились и сплетались как змеи в брачную пору разноцветные кабели.

Олег Снетков, бросив на диван сумку, первым делом, извлёк из бокового кармашка второй сотовый телефон. Сосредоточенно хмурясь, составил и отослал sms: «Это Олег. Я прибыл. Когда и где?» Пять минут спустя ему пришёл ответ: «В шесть вечера в кафе Aureliana рядом с отелем».

Без четверти шесть, переодевшись по погоде – в майку и пляжные шорты, Олег спустился вниз, в прохладную комнату с коалой – избавиться от ключа. Он явился уже не хмурым странником, но беззаботным туристом.

– Hot weather!<sup>2</sup> – сказал он, улыбаясь. Он собирался выспросить путь к назначенному месту и предвкушал блуждания по зною.

Индус за стойкой, цапнув ключ, вдруг подался вперёд, блеснув глазами.

– Sorry, may be mister would like a girl tonight?<sup>3</sup> – спросил он шелестящее.

– May be,<sup>4</sup> – ответил Олег излишне игриво.

---

<sup>2</sup> Жарко!

<sup>3</sup> Извините, может господин пожелает девушку вечером?

<sup>4</sup> Может быть.

Индус заговорил громче и отчётливее:

– Nice girls. Not expansive. Good choice.<sup>5</sup>

– О! – Олег ухмыльнулся и произнёс русскую фразу – Огласите, пожалуйста, весь список! – но, заметив как портье моргнул, закончил с вопросительной интонацией, – Good choice?

– О yes, – забормотал портье, – we have young, very young, mature...and others...<sup>6</sup>

– Ok, – многозначительно покивал гость и, будто спохватившись, поинтересовался, – safe ... Aureliana?

И произвёл руками и головой просительно-ищущий жест. Вместо ответа понятливый портье вытянул из-под стойки карту центра Рима. Сама по себе карта занимала треть рекламного постера какого-то чудодейственного мужского средства. Отметив жирной точкой местоположение отеля, портье поставил гелиевой ручкой кривой крест, отступив от точки один квартал.

Миновав жаркий перекресток, Олег сверился с постером. Он был вроде бы уже в двух шагах. С глянцевої картинки над картой мягко и как бы немного смущённо улыбался итальянский ровесник. Он был, пожалуй, даже похож на Олега. Такое же немного вытянутое лобастое, с большими залысинами лицо 40-летнего мужика, всё ещё длящего расцвет, но и уже малость подвядшего – со складками в носогубье и се-

---

<sup>5</sup> Прекрасные девушки. Недорого. Хороший выбор.

<sup>6</sup> Мы можем предложить молодых, очень молодых, зрелых и другое.

ребристостью в висках.

Ровесник был, правда, более загорелым – немудрено. О смысле итальянской надписи на постере можно было догадаться. «Дружище, ты не поверишь, но начав принимать эти капсулы, я забыл о виагре!» Примерно так.

Олег поднял голову и увидел на другой стороне улицы кафе. Справа от вывески «Aureliana» сидела в кадке приземистая пальма – единственное зелёное насаждение на весь квартал. Он подошёл почти вплотную и несколько мгновений вглядывался через стекло. Тот, кого он высматривал, увидел его первым и сделал приглашающий жест. Олег помялся – всё же этого человека он видел впервые – но двинулся к стеклянной двери.

В темноватом углу кафе его ждал за столиком загорелый мужчина лет 50 с массивным бритым черепом. Из нагрудного кармашка цветастой рубахи выглядывали тёмные очки. Остановившись у стола, Олег после короткой паузы поздоровался.

– А я сразу узнал вас, – сказал мужчина, глядя немного исподлобья, – меня зовут Адам... Я что-то у вас читал. «Московский вестник» здесь не купить, но я заходил на сайт. Там и фотографии ваши...

– Я не пишу больше для «Московского вестника», – Олег выдвинул стул, сел, извлёк из барсетки диктофон, – не возражаете, если запишу разговор?.. Нет?.. Вас не удивило, что я вас побеспокоил?



– Да записывайте... Послушайте, вы мне сначала объясните. Как вы узнали о смерти Али? И откуда такой интерес?

Олег Снетков хмуро покивал, роясь в глубине барсетки. Потом вытащил блокнот, проложенный газетными вырезками.

– Сначала прочитал в Сети. Случайно увидел короткую информацию на одном новостном сайте, на «Регнуме»... Потом добыл газету, – Олег подтянул к себе вырезку, – итальянскую. Вот перевод из «Республики», из криминального отдела: «Вчера утром в квартире на виа Кавур был обнаружен труп женщины 35–40 лет. По предварительным данным он принадлежит Александре Витковской, бывшей жене русского миллиардера Лисовича, который расстался с ней после скандального развода в 2007 году. Причины смерти сейчас выясняются. Следователи пока воздерживаются от комментариев и выводов.» Ну вот. Три недели уже прошло.

Снетков сложил и спрятал вырезку.

– Вы ведь хорошо знали Александру, да?... Адам, я поясню. Мне о вас рассказала ещё в Москве одна её знакомая, может вы слышали, Рита, у неё небольшой SPA-салон... Она сказала мне, что вы были близким другом Витковской... У нее был ваш телефон.

– Знаю. Она мне звонила с Москвы. Говорила за вас.

Олег покосился в сторону нависшего слева полного официанта и отрывисто заказал яблочный фреш. Перевёл взгляд на загорелого Адама.

– Жарко тут у вас.

– В Риме в мае обычно уже жарко, – согласился Адам, – а это расследование ваше... это ваша собственная инициатива?

Олег чуть помедлил.

– Считайте, что собственная. Этот её бывший – человек весьма влиятельный и известный. О разводе их много писали... Витковской было всего 39. И с сердцем, насколько мне известно, у неё никаких проблем не было. С чего бы ей вдруг умирать? И, вообще, там есть ряд странностей.

Адам прищурился.

– А... Компромат, что ли на Лисовича ищете?.. Ну, так ладно. Если могу помочь, хорошо.

Снетков двинул по столу диктофон.

– У меня всего несколько вопросов. Таких... вполне обычных для такого случая. Александра ведь к вам относилась с доверием, да? Хорошо... Она не поддерживала после развода отношений с бывшим мужем? Ну, может, какие-то у нее оставались претензии... Какие-нибудь контакты можете вспомнить?

Адам, немного подумав, сказал:

– Претензий не было, точно. Ну, а насчет контактов – были от него два или три письма по электронной. Я знаю. По делу. И еще... Вот, может, вам интересно будет. Я Рите-то говорил. За два или три дня до... до того как... как ее нашли, к ней приезжал человек от мужа. Мы с ней должны были

встретиться, а она сказала, что не может. Сказала, что вот, мол, приехал из Москвы. Вроде, один из тех, что приезжали их разводить.

– Адвокат что ли?

– Ну, вроде. Зачем на этот раз, не знаю. Мы с ней не успели. Через день я уехал снимать свадьбу в Пьяченце, и туда мне позвонили Евгения... И сказала...

– Кто это – Евгения?

– Знакомая Али. У нее дом в Остии.

Адам замолчал. Прищурясь, рассматривал свой пустой бокал. Олег кашлянул.

– Адам, вы говорили, у вас тут фотосалон. Вы фотографировали Сашу Витковскую?

По загорелой физиономии собеседника скользнула тень: что-то щемящее мелькнуло в глазах. До этого был весьма спокоен – со дня смерти его подруги прошло три недели. Медленно сказал:

– Да. У меня салон на Трастевере. Она любила, когда я ее снимал. Вообще, к фотографиям своим относилась ревностно. Но на моих выходила хорошо.

– Можете мне подарить парочку? Я заплачу.

Адам взглянул внимательно.

– Да ладно. Выберите там что-нибудь. Но в случае публикации укажите авторство. Такое условие.

– О чём речь.

Олег допил сок, и встал, выложив с маленьким стуком на

стол монеты в 1 и 2 евро.

В узком переулке рядом с кафе они отыскиали тёмно-синий Фиат-пикап. Выруливая на улицу «XX сентября», Адам вспомнил как бы между прочим:

– Да! Та самая Евгения хотела с вами встретиться. Я ей рассказал, что вы мне звонили с Москвы, и она захотела... думаю, вам полезно будет с ней иметь контакт.

– Что можете о ней рассказать?

– Ну, что... Женщина. Довольно таки богатая. Она была, наверно, единственной её подругой тут. И похороны её организовывала. Вместе со мной... В общем, лучшая подруга покойной... вот так можно сказать? Такая богатая вдова. Старше Али лет на 10. Живёт в Остии. Думаю, может что-то вам рассказать. Она Алё любила.

– Дадите её телефон?

Фотосалон на улице Трастевере размещался в двух просторных пыльных комнатах, и имел общий вход с нарядным кондитерским магазинчиком. Получив тугой пакет с фотографиями, можно было пересечь площадку и купить яблочный штрудель. Соседство с кондитерской дарило также салону чудный аромат корицы и кофе. За конторкой маленькая пожилая сеньора в очках вела обстоятельный телефонный разговор и на слова Адама «Чао, Луиза» ответила лишь энергичным кивком. Во второй комнате хозяин фотосалона достал с полки старомодный толстый альбом. В лице и в движениях его будто проступила тихая почтительность. Олег

думал, что его усадят за экран.

– Тут фото её за три последних года, – сказал хозяин глуховато.

Олег придвинул стул и сел смотреть. Фотографии все были итальянские с великолепными видами, обслуживающими главную героиню. Но, как это часто бывает, когда кто-то тщательно отсеивает и отбирает сюжеты, отбрасывая безжалостно неловкие или невыгодные ракурсы, слишком живые выраженья лица, всякие моргания, облизывания, чересчур шалые или сонные глаза, образ той, что была в центре внимания фотографа – изящной гладкорусоволосой большеглазой женщины – казался на всех фотографиях одинаков. Но всё же фотографии были сделаны профессионально и с любовью, и лето на них (в основном лето) сияло и играло красками и цвело в глазах женщины. Фонтаны искрились с задних планов. Угрюмые колизеи и пантеоны выгодно оттеняли. Женщина была стройной, выше среднего роста.

Олег, наконец, поднял глаза и сипло сказал:

– Вот эту и эту... и ещё эту. Хорошо?

– Хорошо... А вы раньше её видели? Алю?

– Видел как-то... Кстати, Адам, а вы из Украины? С юга откуда-то?

– С чего вы взяли? Ну да, с Николаева. Уж 15 лет как здесь, такие дела.

– Вы мне обещали ещё телефон этой... Евгении.

– Да, сейчас найду... И ещё вот четыре фотки, – Адам

извлёк из ящика стола тонкий конверт, – тут похороны Али.  
Может, пригодятся...

## 2. Лучшая подруга покойной

Римский вечер не принёс прохлады. Старинная брусчатка и свежий асфальт щедро делились жаром, накопленным за день. Облупленные фасады норовили обступить и зажать в душные тиски. На площадях, нагретых солнцем, дышалось не лучше. Фонтаны манили, но фонтанная вода сильно отдавала хлором.

Он добросовестно дошагал по указанным картой улицам до Колизея, и нашёл, поблуждав у входа в метро, ту точку, с которой была сделана фотография, подаренная ему последнем обожателем Александры Витковской. Потолкавшись ещё в толпе туристов, он купил и выпил бутылку с газированной водой, набрал дважды телефон Евгении (оказавшейся вне доступа) и отправился на метро до своей станции – Барберини. Посещать, пользуясь оказией, другие объекты из списка всемирного наследия, не было настроения.

На тесной улице Флавия он немного постоял, рассматривая здание, приютившего его скромный отель. Зданию было лет сто пятьдесят, не более. Отсюда он снова попытался связаться с вдовой русского происхождения, проживающей в Остии, но снова безуспешно. Адам вполне мог дать и неверный номер. В мелодии вечера ещё отчётливее проступила минорная нота. Со смутным тоскливым чувством можно было бороться с помощью доброго привычного средства

– алкоголя. Были, правда, и другие варианты.

Вечерний портье, выдавший ему ключ, был, вероятно, родственником утреннего лукавого индуса. Внимательно посмотрев снизу вверх, он одними губами произнёс:

– What about girls?<sup>7</sup>

Олег помедлил и сумрачно кивнул. Старый гремучий лифт принял его в решетчатые объятия и отвез на седьмой этаж. Десятью минутами позже, когда он, уже включив настенный кондиционер, изучал подаренные фотографии, в номер постучали. В приоткрытую Олегом дверь заглянул смуглый плечистый парень – возможно, ещё один родственник лукавого индуса. «You have a choice», – пропел он, сладко улыбаясь. Олег распахнул дверь. В коридоре выстроилась шеренга из пяти девиц примерно одного роста, одетых одинаково – в сверхкороткие шорты и тишотки, открывавшие загорелые животы. Презентация проходила по классической схеме. Впрочем, бросив беглый взгляд, клиент сразу определил, что не выберет никого. Возможно, выбор не соответствовал его настроению. У трёх прелестниц были азиатские лица, весьма схожие на взгляд высокомерного европейца: ему легче было бы различать татуировки на девичьих предплечьях. Три другие девушки, происходившие, вероятно, из глухих углов Европы, тоже выглядели на одно лицо – из-за густого слоя грима. В самой сцене было что-то от рекламы надувных кукол.

---

<sup>7</sup> – Как насчёт девушек? (англ.)



Клиент сурово покачал головой и шагнул обратно за порог номера. Родственник портье что-то горячо заговорил сбоку на плохом английском. Одна из прелестниц широко зевнула. Олег ещё раз сказал «нет» и закрыл дверь, не открывая торговых переговоров. С минуту он ещё стоял у запертой двери, прислушиваясь. После короткой перебранки на непонятном языке вся компания, судя по звуку шагов, двинулась в другой конец коридора.

Потом в течение часа Олег, полулёжа на широком диване, прослушивал сделанную днём диктофонную запись и смотрел выпуск новостей на итальянском. Досмотрев, послал ещё один телефонный сигнал Евгении. Когда он услышал гудки, означавшие доступность абонента, в дверь снова постучали. Выругавшись, Олег прервал связь и вскочил с дивана. За дверью в коридоре его снова ждала компания из шести овечек, одетых как в униформу в тишотки и коротенькие шорты (а во что ещё по такой жаре?!) и мускулистого пастуха. Состав овечек, вероятно, сменился. Но существенной разницы клиент не заметил. Обозрев орлиным взором всё маленькое стадо, он отчеканил в смуглую физиономию пастуха две продуманные короткие английские фразы:

– Stop it. I am fed up.<sup>8</sup>

И не обращая внимания на хватания за рукав, удалился в номер, хлопнув дверью.

Выждав паузу, он вновь набрал номер Евгении. Расслы-

---

<sup>8</sup> Хватит. Я сыт.

шав, в конце-концов, тихий ответ, Олег прокричал, как будто вдова его могла недослышать – несколько продуманных вступительных фраз. Они произвели не совсем тот эффект, который он ожидал.

– Вообще, не люблю журналистов, – сказала усталым голосом женщина из Остии, – вечно всё перевирают, переиначивают так, чтоб им было понятнее. Мыслят штампами... У меня свой опыт общения с газетчиками, знаете. Я, вообще, искусствовед... Я, конечно, не хочу обидеть вас лично. Боже упаси.

– Да ничего-ничего, я понимаю вас, – подбодрил Олег. При этом он подумал, что тетка, похоже, со странностями. В частности, со странным акцентом. Вдова говорила на хорошем русском, но это был своеобразный обитальянившийся русский.

– ... И я уж не думала, что кто-то заинтересуется судьбой Али. Но раз уж так вышло, я могла бы вам кое-что рассказать. Не так много, но мне кажется, это важно. Вы можете приехать ко мне завтра утром?

– Да, конечно.

– Тогда запишите адрес. Буду ждать вас к 10... И ещё. Вам Адам дал фотки, да? Захватите.

После разговора он послонялся по номеру из угла в угол, вспоминая, осмысливая сказанные собеседницей немногие фразы. Потом просмотрел ещё один выпуск теленовостей, ничего не понимая, но разглядывая дикторшу – бледную ша-

тенку, скорее всего пудрящую веснушки. Около часа ночи дверь снова пропустила робкий звук. Олег остался сидеть неподвижно, кляня себя за уступчивость при контакте с портье – за неуместный кивок. Стук повторялся ещё дважды. Олег не открыл. Потом он выключил кондиционер – на время. В номер вернулась бархатистая тишина. В тишине он снова извлёк шесть фотографий, полученных в дар от профессионала, и разложил их на диване. На одной Александра Витковская улыбалась, на остальных выглядела серьёзной и хмуровой. На фотографии с улыбкой на лоб у неё спускалось русая чёлка. На хмурых снимках лоб был открыт. Фотографий с дочерью не было ни одной. Ну, он же о них и не просил. Полулёжа на диване, Олег долго рассматривал глянцево-картинки, поднося их иногда близко к глазам. На похоронных фотографиях он не узнал никого и не увидел лица покойной: гроб был закрыт.

На следующее утро около половины десятого он вышел из вагона пригородного поезда на станции Лидо Норд. От станции, уже боясь опоздать, он взял такси. Дом под номером 84 прятался в тени платанов за лёгкой металлической оградой. Узкая улица, на которой стоял дом, вливалась рядом в тихий перекрёсток. Море тут не было видно, но оно дышало где-то рядом из-за крыш домов на соседней перпендикулярной улице. За этими домами была уже набережная и променад, о котором уведомляли верхушки пальм.

Олег немного постоял, вдыхая травянистый воздух. За

оградой зеленел ровный газон. С одной стороны его обрамляли кусты, усыпанные бледно-розовыми цветами, с другой топорщилось незнакомое растение с широкими листьями. Двухэтажный дом бледно-кофейного цвета смотрел на путника с подозрением. От калитки к дому ползла дорожка, мощенная крупным камнем. Олег нажал кнопку домофона.

– Доброе утро. Это Олег Снетков. Мы с вами вчера договаривались, помните?

Спустя минуту, на дорожку выкатилась смуглая полная женщина в зелёном переднике. Докатившись до калитки, она что-то спросила по-итальянски.

– Yes, – кивнул на всякий случай Олег, смекнувший, что это, пожалуй, не хозяйка, а горничная. Толстушка в переднике секунду подумала, потом открыла калитку и сделала приглашающий жест.

Одну из стен светлой гостиной украшал цветистый гобелен, изображавший какую-то античную сцену: нагую деву, оседлавшую могучего быка. Бык, рассекая волны, одолевал некую водную преграду: судя по узкой полоске берега с пальмой и силуэту дорического храма, Эгейское море.

Хозяйка, возникшая из-за стеклянной двери, оказалась полной противоположностью горничной – маленькой сухощавой дамой лет 60-ти. Она была одета не по-домашнему – в бежевом брючном костюме. Видно было, что ждала и готовилась. В левой руке у нее была полиэтиленовая папка с бумагами. Олег подержался за кончики тонких сухих паль-

цев и снова опустился на краешек дивана. Хозяйка расположилась в кресле напротив. Между ними помещался низкий столик овальной формы. Прозрачную папку с бумагами Евгения положила на край овала.

Толстуха прикатила столик на колёсах с кофейником, чайниками и чашками.

– Будете чай или кофе? – осведомилась Евгения.

Олег предпочёл зелёный чай. Хозяйка поднесла чашку к губам и посмотрела серьёзно и строго.

– Послушайте, сначала я всё же хотела бы уточнить кое-что. Зачем вам это? Ваша редакция надеется подогреть какой-то интерес к этому делу?.. Ведь в России жена миллионера, а ещё хлеще миллиардера – это объект ненависти, да? Ну, правда, к таким ведь испытывают ненависть, я знаю. Таковую злобу, что Боже упаси.

– Если она уже умерла, то скорее любопытство, – заметил Олег, – да, возможно, замешанное на злорадстве. Но не ненависть.

– Ну, ладно... Значит любопытство...

Олег, секунду помедлив, вспомнил версию, легко воспринятую Адамом.

– Вы же знаете Евгения, кто был её муж. Он и сегодня один из богатейших людей России. Я помню, что они были в разводе уже почти два года. Но как складывались их отношения после развода? И мне хотелось бы выяснить реальную причину её смерти. Если она не была естественной, то

кому Александра могла помешать?.. В двух наших российских таблоидах появились, кстати, коротенькие перепечатки из «Республики», но с добавлением пары фраз о том, что она умерла, судя по всему, от сердечного приступа, возникшего на фоне абстиненции либо все же от передозировки какого-то препарата. То есть, они намекают на то, что до этого она долго принимала наркотики. Правда ли это? И если нет, кто эти публикации заказал? И ещё...

– Это мерзкая ложь, – перебила Евгения, – какие наркотики, какая абстиненция?

– Значит, это выдумка?

– В заключение медицинского эксперта есть фраза о смерти в результате паралича дыхательного центра. Но там много чего ещё сказано! И вся картина говорит совсем о другом! – сказала Евгения с горячностью.

– Да, – Олег потёр лоб, – я уже пробовал получить в полиции протокол осмотра места смерти и заключение эксперта. Не дали, конечно. Что для них такое русский журналист?

Ни в какой полиции он не был.

– Правильно, – кивнула хозяйка, – это ведь... как сказать... тайна следствия. Кто же вам даст такую информацию? Только я.

Олег потянул носом и выпрямился.

– Это очень важно, – сказал он вкрадчиво, – я бы был вам очень признателен... Это вы её нашли? Ну, сразу после смерти?

– Нет. Её обнаружила Адриана, моя... работница. Вы её видели. Она два раза в неделю убирала у Али. Аля дала ей ключ.

– Доверила ключ?

– Мы с Алей были очень близки, – сказала хозяйка внушительно. Снетков моргнул.

– ... Вы не представляете, как тут трудно найти близкого человека, – продолжала хозяйка, – особенно русского... Я ухаживала за ней, когда у неё была... э-э... пневмония... А познакомились мы в детской клинике, где Аля и её дочь работали волонтерами, а я была в попечительском совете... Это было два года назад... Боже.

«Дочь – это отдельный разговор», – вспомнил вдруг Олег, и сказал:

– Значит, её нашла Адриана.

– Да, она как всегда в среду пришла убираться к 10 утра. Аля в это время обычно отправлялась в тренажёрный зал. Но тут Адриана увидела её в постели – заглянула в спальню и увидела. Но сперва решила её не тревожить, прибралась на кухне, потом вернулась. Её что-то беспокоило, и она попыталась её разбудить.

Евгения на секунду задумалась.

– Там были следы насилия? – быстро спросил Олег.

Хозяйка взглянула исподлобья.

– Она лежала ничком, лицом вниз, обнажённая, но полуприкрытая простынёй.

– Обнажённая?

– Ну да. Аля обычно спала без одежды. Она мне как-то говорила: она так привыкла то ли с первым, то ли со вторым мужем. У многих женщин такая привычка, у одиноких в том числе... Вас это удивляет?

– Нет.

– ... Никаких следов беспорядка, или там... борьбы. Она как бы просто спала. И только когда Адриана попробовала потрогать её за плечо и убрала волосы с лица, она... поняла. Аля была уже холодная. Уже несколько часов, как выяснилось. Адриана тут же вызвала полицию... Она была очень напугана. Но я же говорю, что никакой крови не было... Адриана даже успела посмотреть, нет ли на тумбочке какого-то снотворного. Но потом она ещё раз взглянула ей в лицо...

При этих словах хозяйки в гостиную заглянула всё та же смуглая горничная. Она уже избавилась от передника и переделалась в лёгкое белое платье.

– О! – хозяйка повернулась к ней, произнеся длинную итальянскую фразу с вопросительной интонацией. Адриана кивнула.

– Хорошо, – Олег поёрзал на диванчике, – но вы, кажется, не договорили. Она нашла снотворное?

– Нет, Боже упаси, – хозяйка сделала быстрое нервное движение своей немного птичьей головой, – не нашла. Но посмотрела на Алю внимательнее – в упор. И увидела... У Али были выколоты глаза.



Она сделала небольшую паузу, в течение которой все молчали. Толстушка Адриана таращи́лась на Олега, а он, покусывая губу, смотрел на хозяйку.

– Уже, после того как она умерла, – продолжила Евгения ровным голосом, – кто-то... ткнул ей в каждый глаз острым предметом, предположительно, ножом.

– Это точно произошло уже после смерти? – спросил Олег.

– Да. Примерно через два часа. Есть заключение медицинского эксперта. Я же говорила, там почти не было крови.

– Я не знал об этом, – сказал Олег тихо, – нигде не писали.

– Нет, у нас вроде бы писала потом «Республика», но, значит, вы не видели.

Снетков машинально проверил, работает ли диктофон, повертел его в руках и положил на столик с чашками. Он был ошеломлен. Молчание затянулось.

– Как её убили? – спросил, наконец, Олег.

– Это до конца не ясно. В акте экспертизы сказано, что смерть наступила от паралича дыхания, я говорила, да? На теле нет никаких следов насилия. Ее не душили, не били. Что можно тут подумать? Что кто-то явился к ней спо... спозаранку. И, похоже, они старались создать впечатление, будто смерть вышла от того, что она приняла какой-то препарат.

– Ничего себе! Зачем же тогда выкалывать глаза!? Одно противоречит другому!

Евгения приложила к вискам тонкие пальцы.

– Да, это какая-то дикость. И очень странно.

Снетков помолчал, бессмысленно разглядывая античную сцену на стене. Потом машинально вытащил из барсетки тонкую стопку фотографий и выложил их веером на диване.

– Думаю, что на такую месть могла пойти только женщина, – заметил он, – у неё не было никаких соперниц?

– Соперниц? А за кого бороться? За Лисовича? Тогда уж нужно искать не соперницу, а соперника. Аля говорила, что у него был..., вернее, есть один помощник... То есть он всегда был. Красивая жена Лисовичу нужна была для представительских целей. Боже мой, бедная Аля! Но вряд ли он... да и какой смысл? И зачем?

Она обратила внимание на веер из фотографий на диване и ткнула пальцем.

– ... Кстати, посмотрите на этих снимках. Адам на похоронах поймал в объектив какого-то типа. Молодой такой, похож на неаполитанца. Никто из нас, его не знал. Нас там всего-то было человек пять: я, сестра Марта, Адриана, Адам и ещё Энцо, домовладелец Али, он к ней плохо относился, но, вот, приперся... Старый лицемер... Дайте мне фотографии. Адам сказал, что этот молодой похож на одного из помощников этого... ее мужа. Он видел, когда эти люди приезжали из России, чтоб оформить развод.

Евгения переместилась с кресла на диван, оказавшись рядом с Олегом. Он ощутил сильный сладкий запах её духов.

– Вот Энцо..., а вот этот тип... Был во всём чёрном, но

вид имел такой... деловитый. Ещё спросил, почему она в закрытом гробу. По-русски спросил!

– Адам говорил мне, что за два-три дня до гибели Витковской к ней приезжал какой-то человек из Москвы! – вспомнил Олег, – но он не сказал, что видел его на похоронах. Он его, оказывается, снимал!

– Этот Адам, вообще, странный мужчина, – заявила хозяйка с ноткой надменности в голосе, – но в данном случае это объяснимо. Аля обмолвилась ему накануне, что к ней приехал очередной адвокат от бывшего мужа. Потом Адам отъехал, у него был заказ, потом Алю нашли мертвой... Адам вернулся, фотографировал ее похороны. А потом сказал мне, что этого парня уже, вроде, видел год назад.

– Если это тот, кто приезжал за два дня до гибели Али, то он, выходит, задержался, – заключил Олег.

– Задержался, – повторила Евгения, кривя губы, – или дождался... не знаю.

Гость и хозяйка с минуту продолжали вместе рассматривать похоронные фотографии. Хозяйка вдруг отложила их в сторону и задумалась. Гость ждал. Машинально обведя взглядом стены гостиной, он заметил на стене портрет усатого брюнета и вспомнил, что его собеседница богатая вдова.

Евгения вышла из состояния задумчивости.

– Олег... Дело в том, что я хотела передать вам последние Алины письма. Точнее письмо.

Она подтянула к себе пластиковую папку, извлекла из нее

конверт, а из него сложенные в несколько раз листы тонкой бумаги. В папке остались еще страницы с текстом и цветными вставками. Вдова нацепила узкие очки и рассмотрела надписи на конвертах.

– Она мне их передала в феврале...и это было...м-м... весьма шокирующее объяснение. Ну, представьте! Ни с того, ни с сего моя милая молодая Аля вдруг приезжает ко мне сюда в Остию вся бледная и несчастная... Боже мой, она была в ужасной депрессии. И вручила эти письма якобы на всякий случай. Она вдруг озаботилась тем, что с ней может что-то случиться! Я ее успокаивала, но как можно успокоить, если человек не объясняет, чего он опасается?!

– Она с кем-то встретилась? – быстро спросил Олег.

– Боже мой, но она же ничего не рассказала! Я же говорю, это было ни с того, ни с сего... Одно письмо ее дочке, Оле. Я передала его ей перед отлетом в Москву. Второе письмо – оно мне. Но я решила, что оно вам тоже будет нужно... В нем есть, по-моему, важный момент. Аля... она тут поначалу касается финансовых вопросов, в основном денег на ее счетах. Ну, и тут есть один счет и на другое имя... На мужское. Но тут нужно сказать отдельно. Вы, наверно, не знаете. Аля в этом письме вскользь упоминает о том, почему она два года назад была вынуждена уехать сюда из России.

– Я думал, ей просто нравилось жить в Италии, – вставил Олег, – у ее мужа несколько домов и квартир в Европе, я думал, она просто переехала.

Хозяйка квартиры нахмурилась.

– Все не так просто. Она очень мало про это говорила. Но кое-что. И вот в письме. Она вынуждена была уехать из Москвы два года назад после смерти одного человека. Вы слышали про такого – Загида Баратова?

– Нет.

– Александра могла пользоваться его счетом, и она в последние два месяца оформила мне доступ к нему. Она хотела, чтобы я тоже могла им пользоваться... Между нами говоря, там была не очень большая сумма, но все же.

– Мало ей было мужа, – пробормотал Олег.

Вдова дернула углом рта, и повторила, понизив голос:

– Этот человек умер примерно два года назад. В Москве. И я кое-что узнала о нем недавно. Интернет помог. И знаете, кем он был? Этот Загид был ближайшим партнером Алиного мужа. Как это говорится? Акционер. Крупный акционер. И ему было только 50 лет... И тоже какая-то странная смерть, – она выдержала паузу, – от внезапного сердечного приступа.

– У бизнесменов это бывает, – пробормотал Олег

– Да. Но у Али в письме есть такая фраза. Она там пишет, что я могу пользоваться этим его счетом. Но я должна знать, что владелец счета умер. И она пишет... вот... «Все, вообще, началось с того ужасного дня. Со смерти Загида. Надеюсь, у меня еще будет возможность все тебе рассказать... Потом...» Вот.

Олег потер лоб.

– Загид Баратов... Нет, никогда не слышал. Тоже миллионер? Ну, и что получается?... Сначала кто-то убил его, а потом ее?

– Получается, так. Но ведь это произошло не сразу... произошло почти два года. Вот...

В этот момент подала голос Адриана, подошедшая в своём белом платье, чтобы укатить столик.

– Адриана сейчас должна уезжать к сыну, – пояснила хозяйка, – но она, кажется, что-то хотела... сказать. Потом я должна ее отпустить. Я, правда, не уверена, что это представляет интерес, но...

Несколько фраз, которые толстуха произнесла низким звучным голосом, хозяйка выслушала с лёгкой улыбкой.

– Она вспомнила случай, когда Аля вроде бы чего-то испугалась. Адриана как-то зашла к ней вместе с пожилой соседкой с первого этажа. Аля вроде бы неудачно поставила машину. Эта сеньора хотела её попросить освободить... э-э... дорогу. Аля открыла дверь и, увидев их, как-то... э-э... дёрнулась и побледнела...

Хозяйка, взглянув искоса, что-то уточнила по-итальянски. Адриана покивала.

– ...Да, как будто страшно испугалась. Но тут же и успокоилась. Машину она переставила.

– И всё? – удивился Олег.

– И всё, – хозяйка пожала плечами, – видите, она хотела хоть что-то вспомнить. О, моя Адриана обожает детекти-

вы... Боюсь, это сейчас не совсем...э-э...уместно.

– А как эта соседка выглядит? Как-то неприятно?

– Да Боже упаси! Обычная пожилая сеньора, такая тётушка из-под Неаполя, ей за 60.

– Arrivederci! – громко сказала от двери смуглая Адриана.

После ее ухода вдова развела руками с выражением благодостной доброй иронии на узком лице:

– Ей ведь Аля нравилась, вот ведь как! Она плакала потом, верите?

Олег верил. Вдова снова развернула письмо, пробежала взглядом по строчкам:

– Но это еще не все. Часть денег с этого счета я могу взять себе, а часть должна как-то передать еще одному человеку.

– Так...

– ...Какому-то московскому врачу. Игорю Бойко. Такую, знаете, немаленькую сумму. И дается его телефон. Не адрес, но телефон. Этот Бойко сам должен был сказать, куда ему выслать... В итоге она хотела разделить свои сбережения на три части. Три части, три человека. Ее дочь, этот врач и я.

– И вы с ним связались?

– Этот телефон заблокирован. И никаких других данных этого человека у меня нет.

Немного помолчав, вдова заключила:

– Он, похоже, оказал ей какую-то крупную услугу.

Олег предположил:

– Вы думаете, я мог бы его разыскать?

Вдова пожала узкими плечами.

– Ну, если уж вы взялись разбираться с этим делом... Да, кстати, Аля потом вдруг вздумала забрать эти письма, чтоб что-то там поправить. Или, может, немного успокоилась... Хотела заехать. Но не успела. Вот такая картинка.

Олег выключил и спрятал диктофон. Вдова сложила письмо и спрятала его в конверт:

– В общем, я передаю это вам. Там еще вырезки из наших газет. Вы все внимательно читаете, и может быть, что-то там найдете... хотя там, в письме в основном, о деньгах. Конечно, полиции я показывать его не стала. Все равно они скоро закроют дело...

– Да, хотел еще спросить, – Олег потер лоб, – а дочь ее сейчас где? Вы сказали, она уехала? Как она вообще это пережила?

– Аля за два дня до смерти отправила дочь в пансионат на берегу моря... Может, чего-то уже ждала? Потом я созванивалась с отцом Оли – в письме были телефоны и адреса... О, это была история. Он был не в восторге, от того, что она должна возвращаться. У него уже давно другая семья. В общем, Оля уехала к нему.

– И живет у него?

– Нет, кажется у его сестры, у нее нет детей, но точно не знаю. Еще у нее есть бабушка, Алина мама, но Оля, кажется, все же живет пока у тети, да. Она звонила мне всего один раз. У меня нет ее нового телефона.



– Вы мне очень помогли, – сказал Олег.

– Ну, меньше чем хотела, – ответила вдова, глядя на него  
внимательно

### 3. Флорентийская ночь

Синий «Фиат» Адама пересёк площадь и свернул в узкий переулок, оказавшийся улицей Зингари. До дома на улице Кавура, где жила Александра Витковская, они собирались отсюда дойти пешком.

– Тут удобней всего, – пояснил Адам, выкручивая руль и озираясь – а там дальше нигде не припаркуешься.

– Центр, вроде, самый, – заметил Олег, – дорого, наверно, снимать тут квартиру.

– Ей нравилось здесь, – отозвался Адам, – хотя... вроде, она хотела снова переехать. Куда-то в пригород.

– Снова?

– Ну да. Она ж жила сначала в Болонье год с лишним, а потом начала менять адреса. В Пескаре жила, а потом же сюда, в Рим перебралась.

– Она адреса меняла? Зачем?

– Да бог же её знает... нашу прекрасную пани, – Адам задумался, – хотя, нет, кое-что помню. В Болонье там случилась неприятная история – она рассказывала. Та не мне – Евгении. Ее там вроде вечером ограбили... и душили даже, но повезло – жива осталась. Помешал кто-то. Вот как. И она оттуда съехала. Не хотела больше оставаться... По правде сказать, бандитов тут везде хватает.

– Ничего себе! А из Пескары почему уехала?

– Ну, за это я ничего сказать не могу. Уехала и все. В полиции я уже все это говорил.

– Так вас допрашивали все же?

– Вызывали. Так мы же с Евгенией сразу сами сюда заявились, как узнали. Она позвонила, я приехал из Пьяченцы, я снимал там свадьбу два дня. Как раз в тот день и накануне...

Квартал, примыкающий к виа Кавур, выглядел строгим и аристократичным. Даже в лёгкой обветшалости угадывался изыск. Они шли через дворы мимо стен, покрытых плющом, мимо крохотных палисадников и небольших частных автостоянок – мест отдыха «мерседесов» и «мазератти». Впрочем, и маленькие запylённые «Фиаты» там тоже дремали по углам. Адам знал путь через дворы. У нужного подъезда он замедлил шаг и задрал голову, будто из окон верхних этажей кто-то мог их приветствовать. Дом нависал тёмно-серой громадой. В нишах по обе стороны подъезда круглились бока декоративных амфор. Олег окинул быстрым взглядом и амфоры, и козырек над входом. Адам вкрадчиво поговорил с домофоном, и их пропустили.

Из комнаты консьержки им навстречу вышла худощавая женщина с лицом увядающей восточной красавицы. Адам о чём-то коротко её спросил. Восточная женщина обстоятельно ответила.

– Ну вот, – Адам повернулся к Олегу, – всё не очень удачно – как и можно было ожидать... Это Лея, её не было в тот день. Была Айя, но она сейчас в отпуске. А Энцо – хозяин,

он, вроде, в больнице. Видите, гостя из России не ждали. А что вы хотели спросить?

Олег помедлил, давая досаду.

– Да много о чём. Ладно... Хоть посмотреть, где она жила, можно?

– Так квартира же закрыта, опечатана – напомнил Адам, – до сих пор. Просто на площадку съездить? Ну, давайте.

Древний лифт привёз их на пятый этаж.

– Вот её дверь, – сказал Адам.

На широкую лестничную площадку всего выходили две двери. Возле одной сидело в горшке низкое разлапистое дерево. Гость из России прошёлся от лифта к углу площадки, хмуро осматриваясь.

– Там вид из окон неплохой, видна центральная часть Рима, – счёл нужным добавить Адам, глядя на дверь.

– А убирает на этажах кто? – спросил Олег.

– Утром уборщица приходит... или две даже. По одной на каждые четыре этажа.

– С ними бы тоже потолковать.

Адам взглянул удивлённо:

– Они с утра приходят. Это, во-первых. А потом с чего вы решили, что они с вами будут за это дело базарить? И Энцо, я думаю, не будет. Вы ж не полицейский... Или я ошибаюсь?

Олег сказал с досадой.

– Да, не полицейский я, Адам, поверьте. Я, и, правда, журналист. Но я думаю, итальянцы никого не найдут и скоро за-

кроют это дело. А оно всё же... заслуживает интереса.

Адам легко согласился.

– Закроют.

– Я все же хотел бы переговорить с хозяином. Ну, с этим Энцо. Сможете оказать услугу переводчика?

– Ну... ладно. Встретиться хотите? Нужно будет сначала позвонить. Можно снизу из комнаты консьержки. А я и телефона его не знаю.

Лея была на месте и встретила их просьбу с равнодушной лунообразной улыбкой. Одета в легчайшие белые штаны и блузу, она напоминала лукавого инструктора местной школы восточных единоборств. Ее черные волосы были забраны на затылке в небольшой хвост. Адам, кивнув на плоский телефон, стоящий на столике, пояснил ей, что говорить будет он. Лея кивнула и потом негромко диктовала цифры: Адам нажимал кнопки, а потом Олег вслушивался в звучание итальянских слов, произносимых со странным акцентом.

Адам громко поприветствовал собеседника, и сразу, понизив тон, пустился в длинные объяснения. Не договорив, повернулся к Олегу:

– Он не в больнице, он дома. Но болеет. Он говорит, что все уже рассказал в полиции и больше к этому возвращаться не хотел бы.

Адам пожал плечом, показывая, что именно такой реакции и ждал.

После секундного колебания Олег сказал с напором:

– Скажите ему, что я получил последние письма Александры, и там есть кое-что, что касается его. Мне очень важно у него уточнить. Лучше сегодня. Я хочу уже вечером уехать в Милан.

Адам, запинаясь, перевел и после выслушивал довольно долгий ответ – хмурясь и кивая.

– Он не может представить, в связи с чем, она там его упоминала, но советует тебе показать эти письма в полиции. Он вообще не хотел бы больше касаться этого дела. У Али, по его мнению, было много криминальных знакомств, и если бы он знал, он бы не стал сдавать ей эту квартиру. Он плохо себя чувствует и встретиться с тобой не сможет... Вот так.

Положив трубку, Адам еще раз пожал плечами, кивнул Лее и вышел из комнаты консьержки.

Десятью минутами позже, когда они возвращались перелками, знакомый дорогой к машине, Олег заметил:

– Мне Евгения говорила, что он как-то нехорошо относился к Александре. Хотя на похоронах был.

– Ну да... Олег, тут многие относятся к русским подозрительно. К одиноким женщинам в том числе. Проститься он пришел, да. Ну, что ж...

– Там на ваших фотографиях есть молодой человек в черном. Вы действительно видели его когда-то раньше? Думаете, это тот, кто приезжал к Александре за два дня до ее смерти? Евгения мне сказала.

– А... Ну, я ж не могу сказать точно, кто к ней в этот раз

приезжал. Но тот был похож на парня из той адвокатской команды. Тут же был бракоразводный процесс. Я ходил вместе с Алей. Она не против была. А с его стороны была куча адвокатов...ну, то есть трое, вроде. И этот тоже, по-моему, был. Ну, мне кажется, он.

Они прошли мимо уличного кафе. Одинокая полная женщина за столиком под полосатым зонтом посмотрела им вслед. Олег после паузы предположил:

– Зачем он мог к ней снова приезжать? Хотел о чем-то договориться? Торговался? И зачем пришел на похороны? Не можете предположить?

Адам молча покачал тяжелой головой. Олег понимал, что выудил из этой поездки недостаточно – что-то еще недоспросил, недовыяснил.

– Адам, а вы упомянули, что видели как-то электронные письма ее мужа? У вас был доступ к ее компьютеру? Вообще, полиция его забрала?

Адам, крупный мужчина с лысым черепом крупно шагал, глядя перед собой и не спешил отвечать.

Олег на ходу тронул его за локоть. Адам неожиданно ухмыльнулся.

– Да не. Ноутбук ее у меня. Я к ней туда...да, заглядывал и раньше. А какие письма вас интересуют?

Олег пожал плечами.

– Ну, не знаю. Любые.

– Ну, есть там письма от мужа. И от ее московского любов-

ника. Старые еще, двухлетней давности. Их хотите? – Адам взглянул насмешливо

– Да. Еще и любовник был? Ну... Если в них что-то можно найти... Меня все интересует.

Адам покосился и ничего не сказал. С минутой шли молча. Потом, не ожидая нового вопроса московского визитера, житель Рима неожиданно и как-то невпопад вспомнил:

– Она кому-то говорила по телефону: «мне дышать трудно». Да, помню...

– Так может, это не в медицинском смысле?

Адам пожал плечами. Вообще, он после посещения дома на виа Кавур слегка помрачнел. Быстро шагал, сосредоточенно глядя вперёд. Олег всё же решил доспросить.

– А дочь её, Ольгу, вы, значит знали?

– Знал, – обронил Адам.

– А про отца Ольги она что-нибудь рассказывала? Ну, про второго мужа?

– Он, вроде, адвокат. У него уже другая семья, но Олю он где-то поселил. Приличные деньги гребёт... С третьим, правда, не сравнить.

– А про первый свой брак ничего не рассказывала? – спросил Олег, стараясь идти вровень с крупно шагающим высоким мужчиной.

– Вы биографию Али задумали писать? – покосился Адам, – особо не рассказывала. Вроде какая-то студенческая история. Сошлись, через год разошлись. Все дела. Я её не



пытал на этот счёт. Зачем мне?.. Вас на Флавия подбросить?

Они уже стояли возле машины.

– Нет, спасибо, я на метро, дела ещё.

Олег извлёк из кармана блокнот, а из портмоне визитку:

– Спасибо вам, Адам. Но я хотел вас ещё спросить. Видите, мне не всё удалось из того, что хотел. Кое-какой информации не хватает. Для полной картины... Если вам дорога память об Але... Мог бы я вас попросить кое-что спросить у этого Энцо, у домовладельца? И письма эти ее... Когда будет удобный момент. Буквально пара пустяков, пара вопросов. Я бы прислал вам их на e-mail. Вы не против? Напишите ваш адрес.

– Хорошо, – Адам взял блокнот и ручку, – вы тоже... Если до чего докопаетесь... Напишите, что ли.

Проводив взглядом синий «Фиат», Снетков не пошёл к станции метро «Кавур», но вернулся, немного поблуждав, к дому, в котором только что побывал. Обойдя его по периметру, он постоял некоторое время у подъезда. Он пытался представить. В течении года она приезжала или приходила сюда, поднималась по этим ступеням, косясь на амфоры. Набирала код замка.

Он обвел взглядом, задрав голову, верхние этажи. Фасад был строг и величествен. Над кромкой крыши сияла итальянская лазурь. Олег скользнул взглядом сверху вниз: остановился на кромке бетонного козырька, нависавшего над ступеньками крыльца. Отошел на несколько шагов назад. С

кромки за ним следил глазок небольшого объектива – камера была почти не заметна, но, зайдя с боку, можно было разглядеть и ползущий от нее кабель.

Камера – это было важно. Олег постоял еще с минуту, потом сделал запись в блокнот и двинулся по тротуару. Метров через 50 оглянулся и еще постоял. Он внезапно ощутил, что после прогулок по переулкам рубашка-поло набухла в подмышках потом. Римский день набирал знойной силы. Даже просто сложить руки на груди было жарко.

На площади Сан-Пьетро-ин-Винколи неподалёку от виа Кавур он зашёл в кафе, поманившее уютным полумраком и искусственной прохладой. Сидя за столиком, он соорудил и отослал два sms: одно – другу, посвящённому в цели поездки, второе жене.

На вокзале он оказался около половины десятого. Пробежав взглядом по строчкам расписания, сияющим на табло, сообразил, что сверхскоростной поезд Freccia Rossa улетел без него. Для поездки в Милан предлагались также обычные региональные поезда. Упустив сверхскоростной, он мог теперь сэкономить. Разница в ценах была, правда не ахти какая: за место во втором классе Freccia Rossa нужно было отдать 86 евро, за место в Inter City Notte – около 50. Притом, что ранее он уже вроде решил, что готов платить за скорость, теперь он был доволен сбережённой тридцатке. И ещё размышлял, не избрать ли самый экономный вариант с пересадкой в Болонье. Эту тихую скарედность, простиупающую время

от времени 43-летний Олег готов был счесть одним из ранних возрастных изменений: раньше с европейскими деньгами он расставался куда проще и веселее.

Пространство вокзала Roma Termini окутывало своих путников искусственной прохладой, из которой категорически не хотелось возвращаться в вечернюю асфальтовую духоту. Периодически пространство говорило своим главным женским голосом ласковые итальянские слова. Английские слова звучали суше и резче. В маленькой вокзальной пиццерии под ярко-алым знойным названием крупный человек, состоящий из головы и живота, ахнув, вдруг выронил поднос, уставленный пластиковыми тарелками с салатами и бокалом. Под сводами разлетелось эхо и звона, и аха. Человек растерянно стоял, не в силах нагнуться. В общем, нагибаться уже не имело смысла.

Олег купил, в конце концов, билет на InterCityNotte, уходящий в 23.04 и делающий остановки во Флоренции и Болонье. В Милан поезд должен был прибыть к 7 утра, подразумевая неровный сон в дороге. Остающийся до отхода поезда час Олег прошатался с сумкой через плечо по гулким залам, застревая у газетных и сувенирных киосков. Иногда, подчиняясь внезапному уколу тревожного чувства, он вдруг замирал и оглядывался. Но потом вспоминал, что в этой новой истории, затеянной им самим, приглядывать за ним на данной стадии пока ещё никому.

Поезд InterCityNotte № 1910 набирал ход довольно долго,

как и «Евростар», на котором он когда-то примерно в такой же июньский вечер покидал другой красивый город. И непонятно поначалу было, откуда он потом наберёт прыти, чтобы к часу ночи долететь до Флоренции. Устроившись во втором классе, Олег, остался весьма доволен – регулировкой кресел, мягким прохладным уютом, и тем, что сидел у прохода. Место у окна занимал пожилой седой римлянин в больших очках. Сумку Олег оставил в ногах, рассчитывая иметь под рукой два купленных на вокзале журнала и очки для чтения (ещё один и более грустный признак поражения возраста).

Посетив туалет, и прогулявшись по вагону. Олег отметил, что поезд везёт в Милан довольно много пустых кресел. Улов второго класса был невелик: за Олегом помещались две молодые пары и одинокая пожилая китайка, через проход сидели в основном бизнесмены средних лет в сорочках светлых тонов и расслабленных галстуках. Олег, кстати, не обременял себя галстуком с позапрошлогоднего визита к министру. В кампанию белых сорочек затесался и загорелый малый спортивного вида в шортах и футболке с символикой миланского «Интера»: звездой и чёрно-синей эмблемой.

Спустя примерно час InterCityNotte набрал крейсерский ход. За окнами летела фиолетовая тосканская ночь, сосед дремал, не снимая тяжёлых очков. Миновав три двери, с однообразным шипением раздвигавшиеся и смыкающиеся за его спиной, Олег заглянул в соседний первый класс, где, между прочим, застал спортсмена в шортах из своего вагона.

Они обменялись улыбками. Спортсмен болтал со стюардом.

Первый класс произвёл впечатление. Олег решил, что в следующий раз не будет жмотничать: лишние 20 евро, безусловно, окупались.

Когда он вернулся к себе, они снова встретились взглядами с парнем в футболке с символикой «Интера». Он, уже сидя в кресле, разворачивал газету. Олег вдруг вспомнил, что месяц назад миланский клуб взял первенство.

Послание, предназначенное Евгении он начал перечитывать с середины. Уместившееся на одном листе хорошей бумаги письмо состояло из двух частей. Первую часть, которую он уже штудировал накануне, Олег пропустил. Во второй части Александра расписывала, кому должно перейти право распоряжаться вкладами, размещёнными на её трёх счетах в разных итальянских банках. Средства с двух счетов полагались дочери Оле, а небольшой вклад (так честно и говорилось) на третьем счету адресату письма. Тут и всплывало имя Загида Баратова. Изначально счёт принадлежал ему. В самом конце, исчерпав финансовую тему, Александра возвращалась к теме дочери.

*«Милая Женя, — писала она, — думаю, если все же что-то случится, Оле лучше будет вернуться в Россию. Я недавно говорила с ее отцом. Он не очень приветливый человек, он всегда таким был, но, судя по всему, сможет как-то помочь дочери. У него еще двое сыновей от другого брака, но к Ольке он*

*относился неплохо. Она обязательно должна сама поговорить с ним по телефону. Все его координаты в конце письма. У него дела идут неплохо, я узнавала. К Лисовичу не обращайся, не звони. Сама Оля, конечно, может, если захочет, но ты ни в коем случае не звони. Знаешь, может, лет через пять мы вдвоем будем перечитывать это письмо, если оно сохранится, и смеяться. Вполне допускаю. Но всегда нужно готовиться к худшему.*

*Оле я тоже все, что могла в письме объяснила. Буду молиться за тебя на этом свете и на том...»*

Олег внимательно перечитал последний коротенький абзац. Бархатистый мужской голос уведомил пассажиров о том, что «Inter City Notte» прибывает во Флоренцию. Олег спрятал письмо в конверт и уложил его в сумку, поверх шмоток. К письму нужно было ещё вернуться.

За окном замелькали вереницы огней – поезд, сбавив ход, подплывал к вокзалу. Олег решил всё же выглянуть на перрон – зафиксировать 5-минутное пребывание в городе. На площадке ожидали уже двое мужчин в костюмах цвета кофе с молоком с небольшими изящными чемоданами: их ожидала тёплая флорентийская ночь и, возможно, ужин в дорогом ресторане на набережной Арно. Россиянин с минуту помаялся в волнах тропического одеколонного аромата. Тем временем, поезд скользнул под своды, пару раз вздохнул и встал. Олег, чуть выждав, шагнул на перрон. После прохлады вагона воздух Флоренции показался густым и горячим.

Олег, оглядевшись, потоптался у дверного проёма, смахивающего на распахнутый люк космического корабля. Из соседних вагонов вываливались пассажиры в майках и шортах. Одна женщина тащила за ручки тёмно-зелёную сумку как две капли воды, похожую на его сумку. В то мгновение, когда он, благодушно моргал, наблюдая высадку счастливых гостей Флоренции, из люка космического поезда показался загорелый лик болельщика «Интера». Он что-то резко и громко сказал, но россиянин не понял его энергичного итальянского.

– Ок, – сказал Олег, улыбаясь, – Ок!

Итальянец выругался и выскочил на перрон.

– Not ok! – прокричал он, переходя на английский и тыча пальцем в ту сторону, куда удалялся предмет, похожий на сумку россиянина, – She took your bag! Your bag! You understand?!<sup>9</sup>

– Твою мать, – сказал Олег растерянно, – understand...

Он ещё раз беспомощно оглянулся на попутчика и победжал. В толпе ещё была видна узкая спина женщины в белом и покачивающийся бок зелёной сумки. Итальянец, секунду помедлив, рванул следом. Олег уже почти нагнал женщину с сумкой, но тут воровка, мельком обернувшись, резко прибавила ходу. Она виртуозно лавировала, легко уклоняясь от встречных спешащих пассажиров и проскакивая между близко идущими людьми. Олег теперь еле успевал. Фанат

---

<sup>9</sup> Она взяла вашу сумку! Вашу сумку! Понимаете? (англ.)

«Интера» обошёл его, на ходу крикнув: «Go, go!» и «Call police!». Звонить в полицию, конечно, не было никакой возможности, а орать на ходу Олег стеснялся. Они мигом пролетели вдоль космического состава, затем женщина в белом нырнула влево, в здание вокзала. Пересекая зал, Олег отрывисто крикнул: «Stop her!». Но, конечно, без всякого толка: люди просто провожали их взглядами. Выскочив из нарядного здания вокзала, на сияющую огнями площадь, воровка резко свернула вправо. Фанат «Интера» и Олег последовали за ней. Улица, на которую они свернули, тянулась вдоль глухой высокой стены, ограждавшую, судя по всему, территорию вокзала и его грузовых терминалов. Она была освещена редкими фонарями, но выглядела безлюдной. Олег на бегу машинально отметил это, но тут же подумал и о другом: его сумка была довольно увесиста, и воровке положено было бы уже притомиться. Грохот от трёх пар бегущих ног бился о стену и летел в томное июньское небо. Узкая улица отпустила влево от себя переулок. Женщина нырнула в него, увлекая за собой преследователей. От момента начала погони пролетело лишь несколько десятков секунд. Переулок был сумрачен и тоже безлюден – что можно было признать нормальным для второго часа ночи, даже для Флоренции.

Олег нагнал и обошёл итальянца, который как-то сдал. Воровка была уже в двух шагах – она действительно бежала тяжело, и сумка на правом плече заставляла её крениться вправо.



– Стой, зараза! – выдохнул Олег, вытягивая руку.

И, получив сильный удар сзади по голове, полетел на мостовую. Он, не теряя сознания, но был оглушён и в полном смысле слова ошарашен. Падая, он расшиб локоть и колено. Корчась на асфальте, он поймал в поле зрения широко расставленные ноги мужчины. Итальянец нависал над ним, примериваясь для решающего удара. Первый раз он бил на бегу – и не вполне удачно. Его отведённый кулак показался Олегу чудовищно увеличенным, будто в нём был зажат некий предмет. Итальянец попробовал ударить снова – сверху вниз, резко в голову. Но Олег видел замах и дернулся в сторону – удар обжёг ему ухо. В это время из дальнего конца улицы послышались весёлые пьяные крики, перешедшие в слитный бодрый ор. Безлюдность флорентийских закоулков была мнимой. К перекрёстку пёрла компания, орущая хмельную песнь на немецком языке. Итальянец, бросил быстрый взгляд через плечо и ощерился. Олег, воспользовавшись моментом, откатился в сторону. Итальянец снова подскочил и ударил – он торопился доделать начатое, но удар с этой позиции снова вышел недостаточно сильным и Олег защитился локтем. Продолжая укрывать лицо, он заорал:

– Help! Help!

Он не мог точно оценить реакцию, но пьяное пение смолкло. Олег ещё раз воззвал о помощи и получил удар ногой по рёбрам. От боли он утратил дар речи, тем более, крика, но, лёжа на боку, увидел, что его врагу уже не до него. Человек в

футболке «Интера» подхватил на плечо сумку Олега, и что-то хрипло крикнул женщине. К ним уже бежали: в переулке снова стоял топот многих ног. Олегу был знаком такой культурный феномен, как пьяные немецкие туристы, горланящие ночью под окнами отеля. И, конечно, никогда раньше он не испытывал такой почти религиозной радости в связи с этим явлением, как в данный момент.

Итальянец с сумкой на плече тяжёлой трусцой побежал в сторону вокзала. Женщина в белом последовала за ним, но в какой-то момент замешкалась, чтобы поправить туфлю. Возможно, она была не готова к новому рывку. Олег, преодолев боль, поднялся на ноги и бросился к ней. Она легко вывернулась и рванулась вслед за итальянцем. Олег попробовал, вытянув ногу с разбитым коленом дать ей подножку. Женщина споткнулась и, сделав, уже падая, пару шагов, рухнула на асфальт. При падении она глухо вскрикнула. Итальянец, на ходу обернувшись, замедлил шаг, но потом снова прибавил. Когда Олег, шатаясь, подошёл, женщина встала на четвереньки, пытаясь подняться. Он толкнул её в спину.

– Тварь! – выкрикнул он по-русски. Но от резкого движения и крика в голове колыхнулась тягучая боль. Рядом появилось четверо загорелых мужчин в шортах и майках. У одного был совершенно лысый череп и выражение злобной радости на лице – не вполне объяснимое. Все четверо тяжело дышали.

– Robbery? – поинтересовался лысый, скалясь.

– My bag, – Олег, стоял, согнувшись пополам и массируя правой рукой колено, указал левой в сторону улепетывающего итальянца, – my bag...

Двое немцев, не говоря ни слова, бросились в погоню. Двое других подошли ближе к женщине, сидящей на асфальте. Олег разогнулся и тряхнул её за плечо.

– Сука, – произнёс он, с усталой злостью.

Женщина сбросила его руку и подняла голову. Олег увидел, что это китайка, которую он видел в поезде, и которая там показалась ему пожилой. Она вовсе не была пожилой. Олег вдруг понял, что в сумке были его паспорт, фотоаппарат, а также письмо Александры, которые он в последний раз читал в поезде. Несмотря на гудящую голову, на саднящую боль в боку, он снова ощутил острое желание съездить по бледной матовой физиономии сидящую перед ним женщину или порвать на ней лёгкое платье. Он сделал шаг и неожиданно для себя схватил китайку за волосы – она вскрикнула и яростно дернулась. Олег сам едва не вскрикнул от резкой боли в ребрах справа и отпустил. Сдержал себя. Немцы наблюдали с очевидным сочувствием – успокоить его не пытались.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.